

Стивен Бене

Якоб и индейцы

Перевод с английского
Виктора Голышева

ФТМ

Стивен Бене

Якоб и индейцы

«ФТМ»

1938

Бене С. В.

Якоб и индейцы / С. В. Бене — «ФТМ», 1938

«История эта давних дней — да не обделит Господь всех, кто жил в то время, и потомство их. Так вот, в те дни Америка, понимаете ли, была другой. Это была красивая страна, но если бы вы увидели ее сегодня, вы бы не поверили. Ни автобусов, ни поездов, ни штатов, ни президентов, ничего! Ничего — только колонисты, да индейцы, да дикие леса по всей стране, да дикие звери в лесах. Вы представляете, какое место? Вы, дети, теперь об этом даже не задумываетесь; вы читаете об этом в учебниках — но что там напишут? А я заказываю разговор с моей дочерью в Калифорнии и через три минуты говорю: «Алло, Рози?» — и Рози мне отвечает и рассказывает о погоде, как будто мне интересно знать! Но так не всегда было. Я вспоминаю мою молодость — все было не так. А при дедушке моего дедушки опять-таки все было по-другому. Послушайте рассказ...»

© Бене С. В., 1938

© ФТМ, 1938

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Стивен Винсент Бене

Якоб и индейцы

История эта давних дней – да не обделит Господь всех, кто жил в то время, и потомство их.

Так вот, в те дни Америка, понимаете ли, была другой. Это была красивая страна, но если бы вы увидели ее сегодня, вы бы не поверили. Ни автобусов, ни поездов, ни штатов, ни президентов, ничего!

Ничего – только колонисты, да индейцы, да дикие леса по всей стране, да дикие звери в лесах. Вы представляете, какое место? Вы, дети, теперь об этом даже не задумываетесь; вы читаете об этом в учебниках – но что там напишут? А я заказываю разговор с моей дочерью в Калифорнии и через три минуты говорю: «Алло, Рози?» – и Рози мне отвечает и рассказывает о погоде, как будто мне интересно знать! Но так не всегда было. Я вспоминаю мою молодость – все было не так. А при дедушке моего дедушки опять-таки все было по-другому. Послушайте рассказ.

Дед моего деда был Якоб Штайн, и приехал он из Реттельсхайма, из Германии. В Филадельфию приехал – сирота, на парусном корабле, но человек не простой. Он был образованный человек – он учился в хедере¹, он мог стать ученым из ученых. Но видите, как случается в нашем скверном мире? Чума, новый великий герцог – всегда что-нибудь не то. После он неохотно об этом рассказывал – зубы во рту они ему оставили, но рассказывал он неохотно. И зачем? Мы, дети диаспоры, когда приходит черный день, мы его узнаём.

И все-таки вообразите – молодой человек с красивыми мечтами и образованием, ученый юноша с бледным лицом и узкими плечами в те давние времена приезжает в такую новую страну. Ну, он должен работать, и он работает. Образование отличная вещь, но в рот его не положишь. Он должен носить за плечами мешок и ходить с ним от двери к двери. Это не позор; так начинали многие. Но он не толковал Закон и первое время очень скучал по дому. Ночами он сидел в комнате при одной свече и читал проповедника Коэлета², откуда горечь проповедника не наполняла его рот. Лично я не сомневаюсь, что Коэлет великий проповедник, но имей он добрую жену, он был бы более веселым человеком. В те времена они держали слишком много жен – они запутывались. Но Якоб был молод.

Что касается новой страны, куда он приехал, то она представлялась ему землей изгнания, большой и пугающей. Он был рад тому, что сошел с корабля, – но на первых порах ничему больше. А когда он увидел на улице первого живого индейца – о, это было что-то невероятное! Но индеец, уже мирный, при помощи знаков купил у него ленту, и тогда ему стало легче. Тем не менее порой ему казалось, что лямки мешка врезаются в самую душу, и он тосковал по запаху хедера, по тихим улочкам Реттельсхайма, по копченой гусиной грудке, которую набожные хозяйки берегут для ученого человека. Но к былому возврата нет, никогда нет возврата.

Тем не менее он был вежливый молодой человек и трудолюбивый. И вскоре ему улыбнулась удача – по крайней мере, так казалось вначале. Пустяки и безделушки в свой мешок он получал от Симона Эттельсона, и однажды он пришел к Симону Эттельсону, когда тот спорил с другом об одной тонкости Закона, потому что Симон был набожный человек и уважаемый в общине Миквей Исроэл. Сперва дедушка нашего дедушки почтительно стоял возле них – он пришел пополнить запасы в мешке и Симон был его работодатель. Но потом сердце его не стерпело, потому что и тот и другой ошибались, и он заговорил и сказал им,

¹ Еврейская начальная религиозная школа.

² Екклесиаста.

в чем они не правы. Полчаса говорил он с мешком за плечами, и никогда еще текст не бывал истолкован так мудро, даже великим реб Самуилом. И под конец Симон Эттельсон воздел руки и назвал его молодым Давидом и светильником учености. А кроме того, отвел ему более выгодный торговый маршрут. Но самое лучшее – он пригласил юношу Якоба к себе в дом, и там Якоб хорошо поел впервые с тех пор, как прибыл в Филадельфию. А кроме того, он впервые увидел Мириам Эттельсон – и она была младшая дочь Симона Эттельсона и лилия долины.

После этого дела у Якоба пошли на поправку, ибо покровительство сильного подобно скале и колодцу. И все же шли они не вполне так, как ему хотелось. Потому что на первых порах Симон Эттельсон привечал его, и для ученого юноши, хотя он разносчик, была и фаршированная рыба, и изюмное вино. Но в глазах у человека бывает такое выражение, которое говорит: «Хм? Зять?» – и его Якоб не замечал. Он был скромн, он не рассчитывал завоевать девушку в два счета, хотя мечтал о ней. Но постепенно для него прояснилось, что он такое в доме Эттельсона, – ученый юноша, которого показывают друзьям, но не тот, кто может прокормиться своей ученостью. Он не упрекал в этом Симона, но хотелось ему совсем другого. Он стал сомневаться, что вообще сумеет укрепиться в мире, – а это никакому человеку не полезно.

Тем не менее он пережил бы и это, и боль и мучения любви, если бы не Мейер Каппельгейст. Вот это был предприимчивый человек! Ни о ком не хочу сказать плохого, даже о вашей тете Коре – пусть она оставит себе серебро Де Гроота, если сердце ей так велит; ляжешь спать с собакой – проснешься с блохами. Но этот Мейер Каппельгейст! Громадный краснолицый детина из Голландии, плечи в амбарную дверь не пройдут, и руки с рыжей шерстью. Громадный рот, чтобы есть и пить и рассказывать небылицы, а о голландских Каппельгейстах он говорил так, что можно подумать, все они из чистого золота. «Журавль говорит: „Я павлин – по матери, во всяком случае“. А все же человек преуспевающий – этого не отнимешь. Тоже начал с мешка, как дедушка нашего дедушки, а теперь торговал с индейцами и только деньги успевал класть в карман. Якобу казалось, что он прийти не может к Эттельсону, чтобы не встретиться с Мейером и не услышать про этих индейцев. И сохли слова во рту у Якоба, и ком вставал в горле.

Едва только Якоб начинал толковать стих или притчу, он видел, что Мейер Каппельгейст смотрит на девушку. А когда Якоб заканчивал толкование и наступала тишина, Мейер Каппельгейст непременно благодарил его, но всегда таким тоном, который говорил: „Закон это Закон, пророки это пророки, мой маленький мудрец, но и первосортный бобер это, между прочим, первосортный бобер“. И не было Якобу удовольствия в его учености, и девушка не радовала его сердце. Он сидел молча и пылал, а Мейер рассказывал еще одну громкую историю об индейцах и шлепал себя по коленям. А в конце не забывал спросить Якоба, сколько иголок и булавок он сегодня продал; когда Якоб отвечал, он улыбался и ласково говорил, что все начинается с малого, – и девушка не могла сдержать легкой улыбки. Якоб ломал голову, пытаясь найти более интересную тему. Он рассказывал о войнах Маккавеев и славе Храма. Но и о них рассказывая, чувствовал, что все это далеко. В то время как Мейер с его проклятыми индейцами – здесь; и глаза у девушки горят от его рассказов.

Наконец он собрался с духом и пошел к Симону Эттельсону. Для него это было нелегким делом – он был обучен биться над словами, а не с людьми. Но теперь ему казалось, что, куда бы он ни пришел, он слышит только об одном – о Мейере Каппельгейсте и его торговле с индейцами, и это сводило его с ума. И вот он пошел в магазин к Симону Эттельсону.

– Мне надоела мелочная торговля иголками и булавками, – говорит он без лишних слов.

Симон Эттельсон посмотрел на него пронзительно; он был честлюбивый человек, но он был человек добрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.